

Часть II

Т. М. Николаева

Загадка и пословица: социальные функции и грамматика

I

1. Основной паремиологической параллелью загадки безусловно является пословица. Будучи в равной степени излюбленным хранилищем народного сознания, равным свидетельством накопленного веками мировоззрения, каждая из этих паремий выполняет какую-то свою социальную коммуникативную нагрузку в общих рамках коммуникативно активного фольклора, ибо, вероятно, ничто не обладает большей перлокутивной силой, чем традиция.

Современная лингвистика не только описывает структуры речевых актов, но и рассматривает их как действия прежде всего целенаправленные. Обратимся же в этом свете к какому-нибудь определению пословицы, например, известного паремиолога Н. Барли: "Пословица можно охарактеризовать как общепринятое стандартное высказывание относительно моральных или категориальных императивов в клишированной метафоричной парадигматической форме, анализирующей фундаментальные логические отношения"¹. Выдуманное всего двадцать лет назад, это определение кажется плоским: не хватает главного — ответа на вопрос, зачем вообще этот коммуникативный жанр нужен и нужен именно в такой структурной форме?

Между тем для паремических единиц квалификация их лексико-грамматического наполнения меняется от того, признаем ли мы эту формулу загадкой или пословицей. Иначе говоря, перцептивная сторона коммуникативного акта неотделима от функциональной стороны. В качестве примера рассмотрим русские эквиваленты японских загадко-пословиц:

У тощего мужика зычный голос (загадка) = Ружье,
У тощего мужика зычный голос (пословица);
Отправится барином, вернется слугой (загадка) = Ставни,
Отправится барином, вернется нищим (пословица)².

В первом примере (загадка) сообщается о каком-то реальном объекте, издающем не ожидаемый для своего облика звук. Характеристику

¹ Барли Н. Структурный подход к пословице и максиме // Паремиологические исследования. М., 1984. С. 133.

² Мазурик В. П. Японская загадка: общее и специфическое // Паремиологические исследования. М., 1984. С. 75.

эту нужно соотносить с каким-то реальным Нечто действительности. Во втором примере (поговорка) сообщается о частотных регулярных случаях, когда невзрачный щеделушный человек умеет командовать или — шире — что люди нередко обнаруживают непредсказуемые качества.

Вербальный статус предиката загадки, первого примера, дуративный. А второго — итеративный. Имя обладателя в первом случае имеет семантику специфической неопределенности, а во втором — кванторную семантику всеобщности. Таким образом грамматика диктуется интерпретацией. Задача же нашей работы — обратная: посмотреть, до какой степени коммуникативная задача паремии соответствует ее грамматической структуре, насколько грамматика ответственна за иллокутивную силу сентенции.

Описанию семантической структуры паремий в последние десятилетия посвящено много серьезных работ, уже имеющих исследовательские продолжения. Так, основные смысловые оппозиции окружающего мира, отраженные в поговорах, описаны во многих трудах Г.Л. Пермякова³. В качестве подлинной темы поговорки он считает демонстрацию некоей инвариантной пары противопоставленных сущностей. Например, у поговорки *Гора родила мышь* темой является инвариантная пара Большое — Малое. Эти инвариантные пары представлены в работах Г.Л. Пермякова в виде укрупненных тематических групп. Приведем на выбор по одному противопоставлению из каждой группы: Вещь — Признак; Близкое — Далекое; Здоровый — Больной; Слово — Молчание; Акция — Реакция; Ум — Рост; Перед — Зад; Дорогое — Дешевое; Храбрый — Трусливый; Память — Забвение; Вещь — Условие; Благодарность — Неблагодарность; и т.д. Однако в его работах, известных далеко за отечественными пределами, также не ставится вопрос, быть может, самый увлекательный: зачем существуют поговорки и когда и с какой целью они употребляются. Это отрицание функционального подхода уже в эксплицитной форме формулируется А. Дандисом: "Главный вопрос состоит не в том, какую роль играет поговорка, а в том, что она из себя представляет"⁴. А. Дандис замечает далее о простоте поговорочной структуры по сравнению с народными сказками, мифами или песнями: поэтому описание фольклора целесообразно начинать с поговорки из-за ее сравнительной простоты.

А между тем функциональный подход может не только объединить фольклор как некое "народное" целое, но и разединить. Два простых вопроса: почему возникло? и с какой целью? могут дать социально-коммуникативные интерпретации совершенно непредсказуемые.

Семантическая структура загадки в синхронном плане и в некоторой методологической параллели с идеями Г.Л. Пермякова в последние годы исследовалась А.Н. Журиным⁵. Оригинальна в его работах идея ситуативности — как в загадке, так и в отгадке. Например, *Под*

³ Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки. М., 1970; Пермяков Г.Л. О смысловой структуре и соответствующей классификации поговорочных речений // Паремнологический сборник. М., 1978 и др.

⁴ Дандис А. О структуре поговорки // Паремнологический сборник. М., 1978. С. 15.

⁵ Журиный А.Н. Семантическая структура загадки. М., 1989.

колодой лето и зиму снег лежит и не тает = Белка < Мех на брюшке белки всегда светлый и т.д. Таким образом разгадка даже в виде одного слова есть некий субститут свернутой ситуации; А.Н. Журицкий подробно описывает возможные способы преобразования исходной ситуации (ИС), ее сегментирование, свертывание, нарушение семантического веса элементов ИС, дополнение эпитетами и т.д., приводящие к созданию загадываемой ситуации, преобразованной (ПС); то есть акт загадывания обычно связан с обманутым ожиданием — загаданная ситуация неидентична преобразованной.

Существенным для стратификации форм фольклора и — уже — форм его паремий является и тот наукографический факт, что генезисом пословиц по сути занимались мало, обычно ограничиваясь сообщением о зафиксированной древности пословичных речений, тогда как таинственная суть загадки и ее генезис во многом были исследовательски более привлекательны.

П. Гжибек в статье об исследовании загадки с семиотической точки зрения⁶ подробно излагает теории возникновения загадки. Это: загадка и сновидения, грезы, загадка и миф, загадка и табу, загадка и анаграмма⁷. В занятия эволюцией загадки несомненно входит еще и анализ семантической эволюции самих паремиологических металексем. Так например, слово *ἄνιγμα* > *энigma*, 'загадка' в античной традиции означало не "загадку", а некое не прямое, часто трагическое иносказание, пророчество о непрогнозируемом, которое может быть понято правильно или неправильно⁸.

Паремиология последнего десятилетия во многом ориентируется на многократно переведившуюся и издававшуюся работу Т.Я. Елизаренковой и В.Н. Топорова о ведийской загадке типа *brahmodya*. Для ведийской и других архаичных традиций верно, "...что загадка предполагает не любой вопрос, а лишь вполне определенный, ограничиваемый сферой сакрально значимого; что загадка существует в том смысле, что ее итог — открытие нового"⁹. Ведийская загадка связана с диалогом на космогонические темы и — что важно — с установкой на то, что "смысл мира — в нем самом, внутри него". Ответы загадки, как показывают Т.Я. Елизаренкова и В.Н. Топоров "отсылают к алфавиту мира (набор сакрализованных объектов, описывающих мир в его настоящем составе и в его становлении в рамках космогенеза), а последовательность ответов (соответственно и вопросов, в конечном счете тех же объектов) — к иерархическому устройству мира" [С. 23]. Эти идеи очень быстро вошли в основной фонд современной паремиологии, но, как представляется, стали применяться другими исследователями несколько упрощенно, в том смысле, что всякая загадка стала тракто-

⁶ Grzybek P. Überlegungen zur semiotischen Rätsselforschung (Einleitung) // Semiotische Studien zum Rätsel. Simple forms reconsidered II. Bochum, 1987.

⁷ Grzybek P. Op. cit. P. 12—24.

⁸ Ковалева И.И. *Ἄινigma* в греческой традиции: семантика и функции // Слово в контексте литературной эволюции: античность — Средние века — Возрождение. М., 1989.

⁹ Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. О ведийской загадке типа *brahmodya* // Паремеиологические исследования. М., 1984. С. 15. Далее в тексте указываются страницы.

ваться как средство передачи сакрального знания, как часть культового ритуала. Между тем в той же работе сами авторы как бы призывают внимательного читателя обратить внимание на два существенных обстоятельства. А именно — в продолжении только что приведенной цитаты мы узнаем, что "атрибуты и предикаты, кодирующие объект, подлежащий разгадке, отсылают к той *Zwischenwelt*, состоящей из набора свойств и действий, которые равно относятся и к миру исключительного, космологически отмеченного, сакрального, и к миру повседневного, бытового, профанического" [С. 24]. На этой *Zwischenwelt* мы и хотим впоследствии остановиться в связи с проблемами референтности имени в паремии. Во-вторых, в начале работы обоих авторов говорится о "вырожденных вариантах" загадки и о загадках, включавшихся в иные традиции и иные контексты и получавших тем самым новое развитие [С. 14]. Итак, уже, видимо, загадки типа: *Что находится в центре Парижа? — Буква Р* вряд ли можно отнести к постижению космогонической сути. Впрочем, П. Гжибек говорит о древности многих "детских" загадок, восходящих еще к Средним векам¹⁰.

Таким образом, знание об онтогенезе явления безусловно раскрывает суть функционирования паремий, но ее не исчерпывает, иначе необходимо было бы предположить отсутствие динамики в человеческом менталитете или, что с этим связано, отсутствие динамики коммуникативных установок в человеческом речевом общении. В этом отношении нельзя не согласиться с утверждением В. Мидера о том, что "Паремииология не должна оставаться наукой, смотрящей только назад и работающей только с текстами далеких времен"¹¹.

Разведение для современной паремии генезиса и функции, как представляется, может помочь понять и генезис, и функцию. Наконец, небезынтересным для исследователя будет проследить в синхронии и диахронии соотношение: бытование/значимость двух основных паремий. С некоторой осторожностью можно высказать гипотезу, что коммуникативная значимость загадок и пословиц в эволюции общества средневропейского типа дает константную величину: чем больше места в общении занимают загадки, тем меньше пословицы и наоборот.

В человеческом обществе паремии неотделимы не только от контекста поведенческого, но и от контекста вербального. Между тем, даже и в самых современных трудах по текстовым функциям генерических высказываний (в том числе и о паремиях) часто как общее место сообщается об их "свободе от контекста", "не включенности в контекст" и под. Обычно это мотивируется минимальностью анафорических связей и редуцированностью местоименного пласта в таких структурах. А ведь подобные высказывания просто неверны. Напротив, можно сказать, что нет структур, более глубоко вписанных в контекст, чем паремииологические. Для этого они и существуют, потому они и живучи. В самом деле, дескриптивное высказывание типа *Сегодня очень сильно потеплело*, сказанное изолированно, не вызовет недоуменных вопро-

¹⁰ Grzybek P. Zur Ontogenese des Rätselratens // Semiotische Studien zum Rätsel. Simple forms reconsidered II. Bochum, 1987. P. 265.

¹¹ Mieder W. Prolegomena to perspective paremiography // Proverbium 7. Vermont, 1990. P. 142.

сов, тогда как сказанное вне контекста речение типа *Цыплят по осени считают* или *С волками жить — по-волчьи выть* эти вопросы вызовут или произнесшего сочтут по меньшей мере странным. Рассматривая язык как самоорганизующуюся социально активную систему, можно сказать, что подобная мимикрия под внеконтекстную сущность входит в коммуникативную установку паремий. Так, сложную игру загадки с текстом отметил Ц. Тодоров: "Загадка — это редкий случай диссоциации перцепции дискурса и его интерпретации"¹². То есть, по Тодорову, "Загадка не есть некий связный контекст, но, скорее всего, его речевая маска" (*La devinette n'est jamais un récit, seul son masque verbal peut être*¹³).

Выше говорилось о последних направлениях в изучении паремий. Последние десятилетия были выбраны неслучайно. Дело в том, что за эти же годы произошел большой сдвиг в лингвистике, пройти мимо которого для паремиологических штудий по существу невозможно. Речь идет о двух ветвях языковедения.

Первое — направление, изучающее целевую установку при речевом поведении. При этом речь рассматривается как сознательный поведенческий акт, внушение чего-то собеседнику, что-то сообщающее ему и понуждающее его к неким ответным действиям. Направление это прежде всего связано с именем Дж. Остина, различавшего локуцию, иллокуцию и перлокуцию. Эволюция теории Дж. Остина привела к классификации речевых актов по коммуникативным установкам, иначе говоря, к теории речевых актов. В то же время речевое поведение, интегрирующее речевые акты, должно включать в качестве своего онтологического составляющего и волевой момент, установку коммуникантов на сотрудничество. Тем самым лингвистические идеи связались с Кооперацией, были выявлены основные принципы речевой кооперации. Установка на кооперацию для участников общения неотъемлемо связана с восприятием речевых единиц, с перцептивным фактором. В этом плане речевая активность есть факт Когнитивной лингвистики.

В свою очередь нельзя уйти и от того феномена, что и осуществление речевых функций, по Остину, и установка на Кооперацию/Не-кооперацию в общении не могут быть отделены от социального начала и социальной принадлежности актантов. Язык описывается тогда как социализированное пространство.

Вторым перспективным направлением современной лингвистики является новый подход к трактовке грамматических категорий. Прежнее разделение грамматического описания на два слоя: парадигматическое описание с таксономией форм и так называемые "правила употребления" оказалось недостаточным: перемещение научных интересов в сторону человека потребовало антропоцентрического подхода к категориальной грамматике. С этим направлением связан круг работ, посвященных так называемой "картине мира", которая в грамматике каждого языка отображает как универсальные, так и национально-

¹² Todorov T. *La devinette* // Todorov T. *Les genres du discours*. Paris, 1978. P. 227.

¹³ Todorov T. *Op. cit.* P. 240.

специфические черты. То есть мы предполагаем проделать содержательную интерпретацию грамматических категорий, типичных для структуры загадки и пословицы. Совпадение этой интерпретации с гипотетически реконструируемыми функциями паремий верифицирует реконструкцию. Именно в этом аспекте сопоставление загадки и пословицы явится эвристически новым.

Вообще типология грамматики паремий еще не исследовалась. Между тем еще А.Н. Гвоздев социальную направленность, в частности, неопределенно-личных предложений, связывал с намерением коммуниканта, который употребляет их "для выражения личных заявлений, маскируя их тем, будто они высказываются от какой-то точно не указываемой группы"¹⁴.

Лингвистический аспект пословиц в основном включал сопоставление лексико-грамматического пласта. Например, ср.:

- (1) *Alle Wege führen nach Rom; Alle wegen leiden naar Rome; Wszystkie drogi prowadzą do Rzymu.*
- (2) *Wie die Mutter, so die Tochter; Zo moeder, zo dochter; Jaka matka, taka córka, etc.*¹⁵

Или, например, подробное сопоставление объема русских и венгерских пословиц свидетельствует о том, что в русском языке их средняя длина равна 4—5 словам, а в венгерском — 4—6 словам, при доминировании четырехсловных конструкций¹⁶. А в содержательном плане, по данным того же автора, из 317 венгерских пословиц 291 совпали с русскими.

Создается впечатление, что национальная специфика загадки выражена в большей степени. Судя по примерам А.Н. Журина, можно предположить, что восточному типу загадки присуща ориентация на глобальную ситуацию как в загадке, так и в отгадке. Например, 'Верблюдица, которую я держу за хвост, слизывает кусты' = Мотыга во время работы (сомал.)¹⁷, тогда как в славянской загадке, скорее, загадывается объект: Собачка лает да в лом не пускает = Замок и т.д. Именно ситуативная разгадка часто характеризует так называемые "армянские" загадки с ответами типа: "Это баран бегает вокруг аптеки", "Это два одноногих негра" и т.д.

Современная лингвистика располагает между тем, помимо сказанного, еще рядом пока не востребованных паремиологией концептуальных подходов. И здесь прежде всего необходимо сказать о системе национально-языковых классификаторов Дж. Лакоффа¹⁸. Она предполагает наличие в языке прототипических стереотипов, типичных примеров. Например, яблоки и апельсины — типичные фрукты, пила и

¹⁴ Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык: II. Синтаксис. М., 1968. С. 90.

¹⁵ Frackiewicz I. Zu allgemeinen Kriterien für eine konfrontative Sprichwörteranalyse: am Beispiel der Sprichwörter im Deutschen, Niederländischen und Polnischen // Proverbium 5. Vermont, 1988.

¹⁶ Tóthné Litovkina A. Hungarian and Russian proverbs: a comparative analysis // Proverbium 7. Vermont, 1990.

¹⁷ Журицкий А.Н. Указ. соч. С. 55.

¹⁸ Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988.

молотки — типичные инструменты. Использование типичных членов категориального ряда обычно присуще всем носителям языка, они употребляются автоматически и неосознанно. Стереотипы же социальные осознаются, могут меняться со временем, могут вызывать разногласия, например, типичная мать — домохозяйка, типичный японец трудолюбив, вежлив и умен¹⁹. Несомненно, что анализ прототипических категорий в паремиях был бы перспективным средством дальнейшего сближения паремиологии и современной лингвистики.

Такое сближение намечено в интересной работе С.М. Толстой²⁰, где автор использует теорию речевых актов и их классификацию для анализа обряда и обрядового фольклора. С.М. Толстая исследует и неравнозначность фольклорных жанров по коммуникативным возможностям. На ряде ее положений мы остановимся ниже. Итак, используя слова Ч. Филлмора о механизме интерпретации вербальных фреймов, мы можем вслед за ним повторить, что исследуя языковую форму текста, интерпретатор должен получить для каждой языковой формы ответ на следующие вопросы: "Почему в языке существует категория, которую представляет данная форма? Почему говорящий выбрал данную форму в данном контексте?"²¹.

Таким образом в следующем разделе пословица и загадка будут интерпретироваться с позиций коммуникативной лингвистики с целью выявить их социально-коммуникативные установки. В третьем разделе анализу будет подвергнута содержательно-категориальная структура грамматики паремий.

Однако в заключение этого вводного раздела мы считаем необходимым эксплицировать некоторые исходные позиции, которые, как представляется, обычно входят в ментальный комплекс подхода к фольклорным текстам и определяют традиционную аксиологию фольклористических исследований. Примерно это можно сформулировать так:

1. Детство всегда прекрасно (или должно быть прекрасно). Детство человечества тем самым тем более прекрасно.
2. Мир традиционный, неизменяющийся, стабильный (стагнированный) прекрасен.
3. Прошлое как правило лучше настоящего, а в будущем нужно стремиться к устранению неожиданностей.
4. Окружающая нас современная толпа с ее массовой психологией никак ментально не связана с прекрасными традициями народа.
5. Индивидуальной личности рекомендуется поступать по канонам прошлого (предков) и современного ей группового социума; минимум инициативы обеспечит ей минимум неприятностей.

Оспаривать данные положения в настоящей работе мы не будем. Однако несколько примеров о силе воздействия внушаемых моделей можно привести и для нашего времени. Например, как бы общепринятым является положение с том, что молодые — это бунтари, а

¹⁹ Лакофф. Указ. соч. С. 34.

²⁰ Толстая С.М. К прагматической интерпретации обряда и обрядового фольклора // Образ мира в слове и ритуале. Балканские чтения — I. М., 1992.

²¹ Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988. С. 67.

старшее поколение традиционно и стабильно (см. ставший почти общим местом пример студенческих волнений конца 60-х). Между тем очевидно, что наиболее нетерпимы свободные по выбору проявления личности, именно у молодых есть потребность в культах, в "идолах", в лидере, именно в этом возрасте существенна "единообразность" одежды (см. детские мучения с "не той одеждой" хотя бы в деталях) и регламентированность поведения. Слова о "юноше, обдумывающем жизнь "с кого", отнюдь неслучайны. Вспомним Аркадия Кирсанова, старающегося вести себя под Базарова, тогда как его отец и дядя вполне толерантны к своим индивидуальным различиям. По существу — доминантой классической английской литературы является тема друга — демона — идола — Божества (см. хотя бы отношения: Копперфильд — Стирфорт у Ч. Диккенса). Характерно, что в творчестве писателей-интеллектуалов часто творчески необходимым бывает явно автобиографическое выражение страданий мальчика из вполне благополучной семьи, мучительно страдающего из-за того, что он как-то не вписывается в соответствующую социальную группу. Такова совершенно трагическая глава "Comme il faut" в "Отрочестве" Л.Н. Толстого, таковы рассказы о мальчишке Пуге у В. Набокова. Самым сильным разоблачением мифа о детском нон-конформизме является, на наш взгляд, роман У. Голдинга с далеко уводящим названием "Повелитель мух". Респектабельные английские дети, оставшись по воле случая одни на острове, мгновенно превращаются в законопослушное лидеру озверелое стадо; героя в конце стремятся убить не потому даже, что он бунтарь, а потому что просто не совсем раб. Итак, протест против "других" не есть бунтарство, им может быть только вызов своему собственному социальному кругу.

Возвращаясь к исходной теме, как кажется, имеем право предположить, что язык играет далеко не последнюю роль в создании и укреплении указанных выше мировоззренческих и аксиологических постулатов.

II

1. Историю лингвистики XX века можно свести к трансформации знаменитого тезиса Ч. де Соссюра: язык существует действительно в себе, но не для себя. Значение всегда является значением для кого-либо. Нет такой сущности, как значение предложения само по себе, вне зависимости от каких бы то ни было людей. Когда мы говорим о значении предложения, это всегда значение для кого-либо, для реального лица или гипотетического типичного представителя языкового сообщества²². Ничто не может удачнее характеризовать паремии. Они создаются обществом для себя и с тремя целями: 1) сообщить нечто о мире и о человеке; 2) помочь обществу в его гомеостатическом существовании; 3) воздействовать на одиночку, потенциального "блудного сына" с тем, чтобы вернуть его в лоно Коллективного разума. Несомненно, что эти три функции характеризуют обе паремии

²² Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 170.

по-разному, причем по-разному в отдельные эпохи существования и развития общества.

Основным механизмом существования паремийной перлокутивной силы является изначальный страх человека перед социальным одиночеством. Трудно сказать, до какой степени этот страх заложен в программу человеческого менталитета или он непрерывно поддерживается социумом. Современный язык непаремийных текстов располагает множеством достаточно тонких средств воздействия на личность с созданием эффекта единодушия мнения коллектива, по отношению к которому данная личность рискует оказаться аутсайдером. Такими средствами являются, в частности,; 1) формирование некоторого неясного по объему, но единомыслящего социума (*В классе считают...; На работе думают... и т.д.*); 2) создание фантомообразного противника (*Некоторые полагают...; В отличие от тех, кто считает... и т.д.*); 3) мультипликация единократного поступка адресата с целью усилить его "вину" (*Вот Вы все по ресторанам ходите... и под.*); 4) мена синтаксических позиций пресуппозиции и ассерции, когда собственно утверждаемая часть "прячется" в периферийную синтаксическую структуру, например: *Как это они написали вместе, при их-то отношениях?* Цель — сообщить, что у "них" плохие отношения. *Она неплохо выглядит. — Да, для ее возраста.* Цель — сообщить, что она стара²³. Эти приемы базируются на переплетении в одном и том же высказывании нейтральных и демагогических, перлокутивных компонентов. Существуют, разумеется, и лексические средства демагогии. Так, Д. Болинджер²⁴ приводит пример современного языка реальных американских учреждений, когда Военное министерство становится Министерством обороны, воинская повинность — призывом, плата наличными — первоначальным вкладом, повторный заклад — дополнительными возможностями финансирования.

Общие структурные свойства системы убеждения — это четыре характерных черты: 1) структурная репрезентация; 2) содержательное наполнение структур; 3) ценности; 4) экземплификация²⁵. Первое — это система каузальных связей, второе — приписывание значимых весов отдельным актантам (объектам) предлагаемых структур, третье — аксиологическая характеристика сообщаемой ситуации, четвертое — представление данной структуры как единичного примера множественных аналогичных ситуаций. Собственно для семантики убеждения характерны именно две последних черты.

Но в рамках этой системы паремии обладают своей спецификой. Во-первых, будучи действенными только на макроконтекстном уровне, паремии не могут быть встроены в нейтральные высказывания, подобно лингводемагогическим средствам, указанным выше. Поэтому их перлокутивная структура должна быть особой. Во-вторых, во многих

²³ См. об этих средствах "лингвистической демагогии": Николаева Т.М. "Лингвистическая демагогия" // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.

²⁴ Болинджер Д. Истина — проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 35.

²⁵ Абелсон Р. Структуры убеждений // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 369.

системах убеждений мир моделируется как потенциально преобразуемая система. Мир моделируется как набор суждений, которые представляют наши знания о его статических характеристиках. Этот мир изменяется посредством действий, которые могут рассматриваться как "параметрированные процедуры"²⁶. Паремийное воздействие ориентировано на типизированное поведение, целью которого является мир не преобразованный, а стабилизированный. Как определяет А.А. Крикман, поговорки не гносеологические, а прагматические орудия²⁷. Поэтому и поговорки, сообщающие о явлениях природы, о растениях, о животных, суть на самом деле сообщения о поведении человека и его проблемах. Но прескрипционная семантика поговорок на самом деле дуалистична: сообщаемое не универсально и не конкретно, оно соединено с промежуточным звеном — социальным. "Каждое пословичное предложение служит как акт выражения идентичности, т.е. членства разнообразных по составу групп"²⁸.

Причину психологической готовности к применению поговорок видят не только в том, что это структура убеждения, но и в их свойстве способствовать установлению общих связей у членов сообщества. В этом отношении весьма интересны данные о применении псевдопаремийного материала в психотерапии²⁹. Сначала квазипоговорки спланируют людей, а потом служат как ностальгические реминесценции, как нечто, связанное с началом выздоровления и — тем самым — уже как вторичное средство стабилизации. Разумеется, психологической базой такого лечения является свойство аналогического мышления, коррелятом которого служит параллельность самой пословичной структуры. При этом параллелизм и создает "истину", хотя бы каждая из посылок была бы спорной. См., например, *No Tuesday without sun / No love without pain*³⁰. Естественно, что пословичная структура легко находит свое продолжение в политических лозунгах и призывах тоталитарных (унитарных) систем. Примечательно и то, что силы оппозиции в борьбе с тоталитарными лозунгами опираются на них же, создавая антивариант (*Antispruchwort*), как, например, это было перед объединением Германии. См. *Lieber klare Bäche als einen Schwarzen Kanal; Die Demokratie in ihrem Lauf hält weder Ochsen noch Esel auf; Es geht nicht mehr um die Banane, es geht um die Wurst etc.*³¹.

Таким образом, пословичная структура всегда обращена к массе, как апеллирующая к ней, так и создавая ее.

²⁶ Адлен Дж.Ф., Перро Р. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1986. С.320.

²⁷ Крикман А.А. Опыт объяснения некоторых семантических механизмов поговорок // Паремийологические исследования. М., 1984. С. 165.

²⁸ Alexander T., Hasan-Rokem G. Games of identity in proverb usage: proverbs of a Sephardic-Jewish woman // *Proverbium* 5. Vermont, 1988. P. 2.

²⁹ Rogers T.B. The use of slogans, colloquialisms and proverbs in the treatment of substance addiction: a psychological application of proverbs // *Proverbium* 6. Vermont, 1989.

³⁰ Rogers. Op. cit. P. 108.

³¹ Miltz H.-M. Das Antispruchwort als semantische Variante eines sprichwortlichen Textes // *Proverbium* 8. Vermont, 1991.

Может казаться, что в отличие от пословицы загадка в ее современном виде социально нейтральна. Это вовсе не так, и если пословицы в своем крайнем продолжении ведут к лозунгам, то загадки имеют иное социальное продолжение. Они трансформируются в особые вопросо-ответные структуры официального толка, цель которых — обеспечить однозначные по единодушию ответы, не требующие размышления коммуниканта. Именно эта вопросо-ответная структура была представлена, например, в ритуальных пионерских текстах типа *Кто шагает дружно в ряд? — Это первый наш отряд* и т.д. Данные о репрессивных следствиях также свидетельствуют о трансформациях вопросо-ответной структуры по модели загадки как текста в допросы, при которых от допрашиваемого добивались не ответа по сути, а механического воспроизведения подказанной ему реплики.

Таким образом, и загадка, и пословица являются тем, что Аристотель назвал энтимемами, средствами убеждения. См. о загадке как энтимеме у Ц. Тодорова³². Энтимемическое воздействие есть особый вид риторической стратегии, которая не стоит по правилам логики и развития силлогизма, а основывается на общем фонде знаний (shared knowledge) слушающего и говорящего. См. об общности пословицы и загадки в этом плане: Green, Pepicello³³.

Итак, можно предположить, что аналогия, принцип аналогического соотнесения ситуации, является основным фактором, объединяющим загадку и пословицу. В случае пословицы речь идет о поведенческой аналогии, в случае загадки выстраивается аналогия между исходной ситуацией и загадываемой, аналогия эта часто строится на неожиданности, нарушении ожидания.

Этими путями фольклорные тексты, направленные на стагнацию, аннулируют выбор, т.е. именно то, что порождает личность. Может казаться, что такая свобода выбора есть в сказке. И это можно оспорить, в очередной раз опираясь на классические работы В.Я. Проппа. Именно поэтому, что действия и события в сказке предсказуемы, ему и удалось так классификационно блестяще создать ее унитарную "морфологию". Вероятно, это и имел в виду К. Бремон³⁴, обсуждая какие-то иные исходы: герой не входит в лес, лягушка молчит, падчерица грубит Морозу и т.д. Но в сказке такого выбора нет. Поэтому в сказке есть только квазикультурный герой. Этим сказка отличается от мифа, где культурный герой свободен, что во многих древних текстах приводит к трагедийной ситуации, поскольку Рок параллелен свободе действия. Этим же сказка отличается и от беллетризованной литературы, отражающей действительность, если принять нашу свободу действий хотя бы на каком-то ином, чем фольклорные тексты, уровне. Таким образом безупречной характеристикой паремнологического компонента сказки служат слова о том, что "сказка — ложь, да в ней намек: добрым молодцам — урок".

³² Todorov. Op.cit. P. 236.

³³ Green Th., Pepicello W. The proverb and riddle as folk enthymemes // Proverbium 3. Ohio, 1986.

³⁴ Bremon Cl. Le message narratif // Communications, 4, 1964.

2. Рассмотрим раздельно функциональную нагрузку каждой из двух паремий. Уже говорилось выше об антропоцентричной направленности пословицы, хотя, как мы постараемся показать, загадка по-своему столь же антропоцентрична. Трудно сказать при этом, что в большей степени антропоцентрично: ориентированное на человека Познание или ориентированное на человека же Поведение. Известно также, что пословицы и загадки легко трансформируются друг в друга. Например, *Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше*. Ср. *Где ищет /быть/ рыба? — Где лучше*. Когнитивная лингвистика обратила внимание на социальную и индивидуальную обусловленность восприятия окружающего мира. См. определение связи категоризации мира и истины в работе Дж. Лакоффа и М. Джонсон: "понимание всегда предполагает категоризацию, присущую человеку, которая является функцией интерактивных (а не естественных) свойств вещей и возникающих из нашего опыта "измерений"³⁵. В другой своей работе Дж. Лакофф подробно разбирает систему современных классификаторов, определяющих релятивную концептуальную структуру человеческого миропонимания. Культурологи сегодняшнего дня обнаружили, что категоризация базовых отношений зависит от повседневных человеческих контактов и ими определяется. Здесь важны такие показатели как система образного восприятия, система физических взаимодействий, ментальные образы и роль реалий в культуре. "Эти наблюдения опровергают классическую точку зрения, согласно которой понятия абстрактны и не связаны с опытом человека"³⁶.

Для каждой из двух паремий очевидно можно выделить доминантную проблематику. Если для загадки эти проблемы связаны в первую очередь с ее генезисом, то для пословиц ключевой проблемой представляется проблема их истинности. Обращаясь к различаемому в славянском пространстве полю правды (человек говорит правду, она в нем) и полю истины (истина вне нас), можно заметить, что при употреблении пословиц проблема правды снимается: человек говорит не "от себя", а ссылаясь на чужой и тем самым объективируемый опыт. Правда здесь оставляет за собой этический момент. Верным же по отношению к пословице могут быть две вещи, 1) верно ли то, что сообщает пословица в исходной части; т.е. действительно ли рыба ищет, где глубже, действительно ли сытое брюхо глухо и т.д., 2) верно ли данная пословица употреблена, т.е. существует ли аналогия между пословичной ситуацией и обсуждаемой.

Проблема истинности пословиц связана с тем фактом, что в каждой народной культуре известны ряды пословичных пар, утверждающих противоположное. Например, английские: *Good counsel never comes too late — When a thing is done, advice comes too late; Of one ill come many — Lightning never strikes twice in the same place*³⁷. Проблема соответствия пословицы и действительности обсуждается в интересной статье Д. Крэма о народных заблуждениях, "folk fallacies"³⁸. По

³⁵ Лакофф, Джонсон. Указ. соч. С. 153.

³⁶ Лакофф. Указ. соч. С. 48.

³⁷ Dictionary of proverbs // The Penguin dictionary of proverbs. L., 1983.

³⁸ Cram D. "Argumentum ad lunam": on the folk fallacy and the nature of the proverb // Proverbium 3. Ohio, 1986.

его мнению, в ментальном слое, к которому апеллирует пословица, нет противоречий в научно-логическом значении этого слова. Поэтому пословицы типа *Out of sight, out of mind* и *Absence makes the heart grow together* могут спокойно сосуществовать в пределах одной и той же про-вербиальной системы. По остроумному делению Д. Крэма, народными заблуждениями, *folk fallacies*, являются несоответствующими действительности положения, которые разделяются не всеми членами коллектива, те же заблуждения, которые разделяются всеми, это и есть "народная мудрость" (*folk wisdom*)³⁹.

На основании ряда этнолингвистических исследований можно предположить, что система дуальных оппозиций характеризует лишь архаическое мышление и древнее мышление до какого-то переходного этапа, когда объекты, напротив, сближаются и создается единое пространство соприкасающихся по характеристикам объектов, так что возникает некая структура, близкая к понятию лексико-семантического поля или к сетевой системе в современном понимании.

Именно такое представление пословичного мира было предложено Ю.И. Левиным, которому принадлежит удачный термин "провербиальное пространство"⁴⁰. Распределение пословиц в пределах провербиального пространства по сути снимает с рассмотрения вопрос о противоречивости пословиц, так как в провербиальном пространстве они включаются в систему шкалированных отношений. См. ряд *За чужой щечкой зуб не болит. → На чужой спине легко → Чужая ноша не тянет* и антонимичное *Своя ноша не тянет*. Таким образом, разделение пословиц на истинные и ложные видимо действительно лишено смысла для носителей провербиального менталитета, поскольку каждый активный носитель языка владеет всеми связями внутри провербиального пространства в целом.

Эта перцептивная готовность относиться не критически к любым компонентам провербиального пространства используется для целей психотерапевтического воздействия. См. пословицы-лозунги у терапевтов, истинности которых как бы и не рассчитана на обсуждение: *No rewards for bad behavior; No pain, no gain; You alone can do it, but you cannot do it alone; It's better to give than to receive; Water seeks its own level etc.*⁴¹. Таким образом сама функция пословицы — быть вне категории истинности/ложности. "Будучи обобщением, пословица сама по себе не может быть определена как "истинная" или "ложная". Люди выбирают пословицу в соответствии с ситуационными потребностями — а не в соответствии с их общим абстрактным смыслом, и всякая ситуация может быть оценена неединообразно"⁴².

Итак, пословицы как бы гасят а priori вопрос о том, действительно ли нужно по-волчьи вить, если живешь с волками, может быть, нужно накинуть платок на чужой роток и исключено ли, что человек, разевающий рот на чужой каравай, добьется и собственного успеха.

³⁹ *Cram. Op. cit. P. 17.*

⁴⁰ *Левин Ю.И. Провербиальное пространство // Паремнологические исследования. М., 1984.*

⁴¹ *Rogers. Op. cit.*

⁴² *Tóthné Litovkina. Op. cit. C. 247.*

Несомненно и то, что многие пословицы верны и справедливы как для универсально-человеческого, так и для национально-специфических сообществ. Именно комбинации справедливого и коварного, ложного и истинного и лежат в основе столь мощного иллюкутивного воздействия пословицы. Такая ценностная эклектичность воздействует больше, чем единообразный поток трюизмов, поскольку гипнотическая сила любой подтасовки сильнее, если в нее подмешаны зерна истины.

З. В.Н. Топоров и Т.Н. Елизаренкова в указанной выше работе о ведийской загадке типа *brahmodya*⁴³ показывают, что при разгадывании ведийской загадки "найденный смысл всегда нов и единствен", "открытие, обретение смысла всегда нечто сверхестественное, всегда чудо, доступное лишь для носителя высокой мудрости". Эти высшие ценности должны быть принципиально скрыты, " т.е. находиться как бы вне мира".

Анализ этой работы приводит к мысли, что при таком понимании Вселенной на самом деле не Макромир описывается через реалии Микромира (можно считать и наоборот), а Макромир равен Микромиру, и Микромир и Макромир не сходны, а тождественны. Именно в этой связи таким важным становится образ первочеловека-первожертвы Пуруши, разъятого на члены при творении Космоса. Очевидно, что основным ментальным средством познания вне нас находящейся, но и в нас находящейся Вселенной является Сопоставление. Мы познаем мир через сопоставление, т.е. через тождество. В этом смысле очевидно можно считать, что архаичное мышление не знало ни индукции, ни дедукции, т.е. позитивного подхода, всегда предполагающего укрупнение одного и того же в родовые и видовые понятия без субстанциального перерыва в мышлении. То есть отгадывание мировой структуры по архаической модели есть Отображение (мимесис), т.е. нечто, гомогенное искусству. Однако очевидно и на этом древнем этапе не все владели тайным знанием Отображения. Поэтому подобные знания становятся уже и социальной характеристикой приобщенности к некоей эзоторической группе. Как отмечает Э. Кёнгэс-Маранда⁴⁴, "процесс отгадывания ближе к академическому испытанию, чем к творческому поиску". Отгадывающие следующего этапа заучивают с детства подобающие ответы и тем самым страхуют себя от подозрений в социальном аустайдерстве, уже не постигая индивидуально высокие смыслы.

В этой связи с появлением письменных культур с их ярко выраженным логоцентризмом загадка безусловно должна была сменить свою одежду и войти в письменную культуру, не меняя при этом установки на социальное единодушие и сдвиг "горизонта ожидания". Появляются так называемые автонимические загадки. См. *От /чего/ утка плавает?* = От берега; *А и Б сидели на трубе, А упало, Б пропало, что осталось на трубе?* = Союз И; *Что находится в центре Парижа?* = Буква Р; *Чем кончается все?* = Буквой Ё. Автонимические загадки

⁴³ Елизаренкова, Топоров. Указ. соч.

⁴⁴ Кёнгэс-Маранда Э. Логика загадок // Паремнологический сборник. М., 1978. С. 256.

широко распространяются. См. пример А.К. Оглоблина яванской автонимической загадки: *'Какую часть тела можно написать одной буквой? = Peh (желудок)'*, где есть как центральный элемент одна буква, а по краям два диакритических знака⁴⁵. Разумеется, никаким озарением ответ на автонимическую загадку быть получен не может. Его можно только знать, поскольку базирующиеся на графике автонимические загадки есть продукт Микромиира и к Микромииру и обращены. Они в еще большей степени выполняют задачу проверки на социальную включенность и в еще большей степени мучительны для потенциального аутсайдера, каким обычно оказывается ребенок младшего школьного возраста, уже умеющий читать и писать.

Особым видом загадок, близким к автонимическим, являются загадки "неправильного прочтения", когда оказывается, что интонационный центр вопроса можно понять иначе. *Почему Робин Гуд грабил богатых? — Потому, что у бедных не было денег; Why do birds fly south? — Because it's too far to walk; Why did the dog go into the sun? — He wanted to be a hot dog.*

Игрой является и навязываемый слишком трюистичный ответ, который испытуемый отбрасывает как очевидный: *Кем ты станешь в 20 лет? — Двадцатилетним человеком; What has head of a cat, the tail of a cat, and the fur of a cat but is not a cat? — A kitten.*

Горизонт обманутого ожидания в еще большей степени проступает в особом типе автонимических загадок, когда артефактичность пронизывает и загадку, и отгадку, т.е. связь с Макромииром полностью исчезает: *What fruit is on a penny? — A date; What's black and white and red (read) all over? — Newspaper.* Итак, в своем историческом развитии загадка разделяет судьбу многих изобретений человечества: из серьезного занятия она превращается в игру, при том что и в игре имеется своя серьезная сторона.

Г.Л. Пермяков в предисловии к работе Н.В. Барабановой пишет, что загадки, "вооружая человека знанием разных логических приемов, учат его думать"⁴⁶. Позволим себе именно с этим не согласиться. Думать да еще с помощью логических приемов загадки не учат, поскольку, если так можно выразиться, они зародились до того, как человек стал думать с помощью логических приемов. На раннем этапе загадки могли учить постигать.

По мере развития европоцентрической цивилизации для включенного в нее лица факт потенциального незнания ответа на загадку уже не становился столь социально угрожающим. И теперь для взрослого современного человека загадка оборачивается в основном своей второй стороной — обманутым ожиданием. Загадка становится забавным загадко-анекдотом. *Что такое: зеленое, висит и пищит? = Селедка. Армянское радио спрашивают...* В коммуникативно-социальном плане интересно, что анекдот как бы противоположен загадке: его знать

⁴⁵ Оглоблин А.К. Типы яванских загадок (к вопросу о соотношении формы и значения) // Паремииологические исследования. М., 1984. С. 86.

⁴⁶ Пермяков Г.Л. Вступительный текст к статье Н.В. Барабановой "О логической структуре некоторых русских загадок" // Паремииологические исследования. М., 1984.

вовсе необязательно, напротив, незнание даст возможность собеседнику рассказать и еще раз позабавиться. Загадко-анекдоты также сплачивают общество, но другими коммуникативными методами, чем, например, автонимические загадки, где незнание ответа унижает адресата.

Если взять за образец среднего достаточно образованного горожанина, то кратко намеченная эволюция истории загадки вертикальным образом отражается в истории одной личности. В детском раннем состоянии человек знакомится с народными загадками, загадываемыми ему кем-нибудь из старших, потом с автонимическими загадками, сообщаемыми обычно сверстниками. Во взрослых фазах загадка предстает в виде загадко-анекдота.

III

1. Как указывалось выше, грамматикой паремий занимались мало, но интересно, что во многих грамматических описаниях примерами на ряд категорий служат часто только паремии, но авторы грамматик не выделяют при этом паремии особо.

Проанализируем на грамматическом уровне два феномена паремийного высказывания: 1) квалификационный статус предиката в пословице и загадке; 2) референционный статус имен в обеих паремиях.

Постараемся сопоставить эти показатели с функциями пословицы и загадки, о которых говорилось выше.

Грамматика пословицы

Предикат

Предварительные исследования показали, что существенно различие предикатных форм в пословицах, включающих компонент "условие" и пословицах без него.

Пословицы без семантического компонента "условие"

1. Наиболее характерной формой глагольного сказуемого в пословицах является форма 3 лица, числа — единственное и множественное; время — настоящее неактуальное; в семантику глагольной фазы входит показатель 'обычно', 'вообще'.

Примеры: *Дыма без огня не бывает; Appetit приходит во время еды; В тихом омуте черти водятся; Где тонко, там и рвется; Бодливой корове Бог рог не дает; Дареному коню в зубы не смотрят; За одного битого двух небитых дают; Лежачего не бьют; Всяк кулик свое болото хвалит; На ловца и зверь бежит; Новая метла чисто метет (русск.). Одна ластівка не робить весни; Всяка птичка носиком живе; Кто що знає, тим і хліб заробляє; Бачить кіт сало, та сили мало; Не сам гвіздок лізе в стіну — його молотком забивають; Вс за камінь довбає; Правда очі коле; Одна мати рожає, та не одну долю дає; Біда за бідю ходить и т.д. (укр.). Поп карає, а сам грахт має; Добры квас добра п'єцца; Зяць любіць ўзяць, а цєць любіць чэць; Ціхая свіння глыбока рые; Назад толькі ракі лазяць; Язык без касцей, што хоча, то і пляце. (бел.). Брат за брат не печели, ама*

се го жели; Бежан скача, а Стоян плаче; Всека циганка своите времена хвали; Всеко куче на двора лае; Гарван гарвану око не вади; Гладна мечка не играе; Жабата не крека на сухо; Жаден бивол мутна вода не гледа; Затлъстела кокошка яйца не носи (болг.). *Člověk míní, Pán Bůh mění; K samému svítání i mladí kohouti pění; Ohne olejem nehasí; Co z nebe prší, to žádnému neškodí; Železo železem se ostří; Moc železo láme; Jablko nedaleko stromu padne; Každý ptáček svým se noseš živí* (чешск.).

Дискусии о настоящем времени обычно связывают его функционирование с моментом речи, с "беспризнаковым" его существованием, с действительностью ситуации как ранее, так и в настоящий момент. Функции настоящего времени принято обсуждать с опорой на говорящего и его включенность в происходящее событие — сейчас или в обозримый промежуток, соотносимый с сиюминутностью. В пословичных речениях говорящего в принятом смысле усматривать нельзя. А.В. Бондарко⁴⁷, приводя пословичный пример *Рыбак рыбака видит издалека*, говорит, что "настоящее время, в котором представлена "вневременная ситуация", не имеет актуальной соотнесенности с моментом речи. К этому моменту относится лишь пресуппозиция: я сообщаю эту истину сейчас, следовательно, в момент речи считаю действительным, имеющим актуальную значимость тот смысл, который заключается в известной пословице". Поскольку эта пословица применяется в указанной форме обычно к актуальным ситуациям, можно, по нашему мнению, считать, что *видит* в контексте — это настоящее актуальное, симонимичное: *Они понимают друг друга*. Но на контекстное значение *видит* накладывается и семантика *видит* из изолированного существования пословицы — *Рыбак рыбака видит издалека* 'всегда, всякий', т.е. это уже настоящее повторяющейся ситуации (о таком термине см. АГ-80 I). Таким образом настоящее пословичное — это наложение двух временных статусов: актуальной ситуации и повторяющейся.

Столь же двойственной представляется в пословичных структурах с 3 л. мн. настоящего категория персональности. Неслучайно *Цыплят по осени считают* одни исследователи трактуют как обобщенно-личные, другие — как неопределенно-личные, третьи — как неопределенно-обобщающие структуры. А.В. Бондарко видит знаковую функцию отсутствия субъекта в таких предложениях "в выражении идеи несущественности субъекта действия и тем самым существенности проявления самого действия — акцентировки действия, а не "неопределенности лица"⁴⁸. Однако можно считать, что для пословичных предикатов существенное различие в статус глагола вносит его число. Ср. *Смотрите, как он обращается к продавцу! — Рыбак рыбака видит издалека*. Здесь актанты пословицы приравниваются к актантам сопоставляемой ситуации и потому настоящее пословичного глагола приобретает дополнительный статус актуальности. Но нет ситуации,

⁴⁷ Бондарко А.В. Темпоральность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990. С. 22.

⁴⁸ Бондарко А.В. Персональность // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. Л., 1991. С. 66.

аналогичной *По одежке встречают, по уму провожают* или *Цыплят по осени считают*. Это может быть только острога с нарочитым буквальным прочтением. Поэтому настоящее время здесь — это время повторяющейся ситуации без статуса актуальности.

2. Второй распространенной формой пословичного сказуемого является форма простого будущего во 2 лице единственного числа; в этих структурах присутствует семантический показатель 'должно', 'надлежит': *Кашу маслом не испортишь*; *Из "спасиба" шубу не сошьешь*; *Лбом стенку не прошибешь*; *Перед смертью не надыхнешься*; *Шла в мешке не утаишь* (русс.); *Не спаруєш голубки та півня, бо голубка півневи не рівня*; *Від сердитої жінки постарієш, а від доброї помолодієш*; *Згаяного часу і конем не доженеш*; *Дірявого мішка не наповниш* (укр.); *Жонка не бот, не скінеш*; *У чужи рот не уставіш варот*; *Сонейка рукавицай не заслоніш*; *Родную мать нікем не замениш* (бел.); *Boha perřevališ*; *Moře nevrpíeš* (чешск.).

В связи с формами простого будущего 2 лица единственного числа существенны для рассмотрения следующие формально-категориальные аспекты: 1) пословичные предложения и проблема персональности; 2) некоторые специфические оттенки категории футуральности, отмеченные в грамматиках не на пословичном материале; 3) распространенность отрицания в этих структурах.

Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, анализируя обобщение в формах $\emptyset/ты$ в отличие от форм $\emptyset/3$ мн., определяют $\emptyset/ты$ отношения как описание множества конкретных ситуаций, рассматриваемых изнутри, с конкретной точки зрения⁴⁹. Важно, что они отмечают близость этих форм к наглядно-примерным описаниям. На наш взгляд, адресация у таких предложений двойная: и к слушающему, и к говорящему. *Взглянешь на здание, и сердце каждый раз вздрогнет*. Здесь есть и "Когда я взгляну", и "Когда ты взглянешь", и "Взглянешь вместе со мной", и, далее, "Ведь мы смотрим одинаково". Итак, по нашему мнению, персональность $\emptyset/ты$ комбинированного свойства. Это отличает такие формы от *Горбатого могила исправит*, где такой двойной коммуникативной адресации нет.

В АГ-80 I представлены сообщения о некоторых субсмыслах простого будущего с интересующей нас точки зрения. Так, если формы будущего сложного ограничиваются сферой будущего, то формы будущего простого наряду с основным значением выявляют периферийное значение настоящего времени повторяющегося, в частности, обычного и типичного действия, нередко с дополнительными модальными оттенками (АГ-80 I, 629). Далее, говорится о периферийной функции у простого будущего — значении обычного повторяющегося действия. Свойственная же для формы простого будущего периферийная функция выражения настоящего неактуального чаще всего реализуется как настоящее абстрактное (наглядно-примерный тип): *Право, позавидуешь некоторым чиновникам!* (АГ-80 I, 634).

⁴⁹ Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенно-личности и обобщенно-личности // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. С.-П., 1991. С. 55.

Все эти оттенки, безусловно, входят в категориальные значения анализируемых форм пословичных предикатов. Небезынтересно и замечание авторов Грамматики об одной из функций будущего сложного времени, в пословицах как правило не встречающегося. Речь идет о том, что "обычное типичное действие непременно должно (или не должно) осуществляться" (АГ-80 I, 635).

В пословичных речениях с будущим несомненно есть оттенок долженствования, прескрипции. Это доказывается и возможностью трансформации глагола из личной формы в форму инфинитива. См. *Из "спасиба" шубы не сшить; Кашу маслом не испортить; Старого воробья на мякине не провестить; Шила в мешке не утаить*; эта же трансформация применима и к формам 3 лица ед. числа — *Горбатого могиле исправить* и неприменима к формам настоящего времени:

**Рыбаку рыбака видеть издалека.*

Наиболее сложен ответ на последний вопрос — о причинах столь активной негации в формах простого будущего с 2 лицом. Кажется, что здесь выражены значения, налагающиеся друг на друга: долженствования с отрицанием действия 'не делай' + презумпция адресата (слушающего) делать это, хотя бы это и относилось к третьему лицу. Представляется, что контекст определяет в этом случае степень референции к адресату. По нашему мнению, включенность говорящего в ситуацию в этом случае меньше, чем в конструкциях без *не* типа *Тише едешь, дальше будешь*.

3. Третьей распространенной глагольной формой пословичного предиката является императив в форме единственного числа: *На чужой каравай рот не разевай; Готовь сани летом, а телегу зимой; Наперед батьки в пекло не суйся; Не в свои сани не садись; По одежке протягивай ножки* (русск.); *Не роззявляй рота, бо сорока влетить; Мною хоч діл мий, та тільки мочалкою не называй; Мовчи так мовчи; Не скуби, пока не зловиш* (укр.); *Не кайся рана ўстаць, а кайся доўга спаць; Бойся не таго сабакі, што бреша, а таго што лашчыцца; Не вер сабаку, бо ўкусиць* (бел.); *Бий го по краката, да се не бие по главата; Госта гощавай, врага прощавай; Забоди пручка, пий вино; Не гледай щото е минало, а щото ще дойде* (болг.).

Академическая грамматика специально выделяет "формы 2 л. ед. ч. в повелительном наклонении, употребленные в обобщенно-личном значении. Например, в пословицах: *Хлеб-соль ешь, а правду режь*" (АГ-80 I, 624). Авторы считают особенностью таких императивных конструкций "отрыв действия от его непосредственного производителя и возможность адресовать повеление любому лицу", это определяет широкое употребление форм 2 л. ед. ч. повелительного наклонения в целом ряде значений, далеких от собственно побуждения. "С побуждением их объединяет лишь значение ирреальности (возможности, желательности) действия".

И все же среди употреблений побуждения как категории мы находим одно из значений, соответствующих именно пословичным формам. Это: "побуждение с соединении со значением долженствования" (АГ-80 I, 624). Пример: *Всяк сверчок знай свой шесток.*

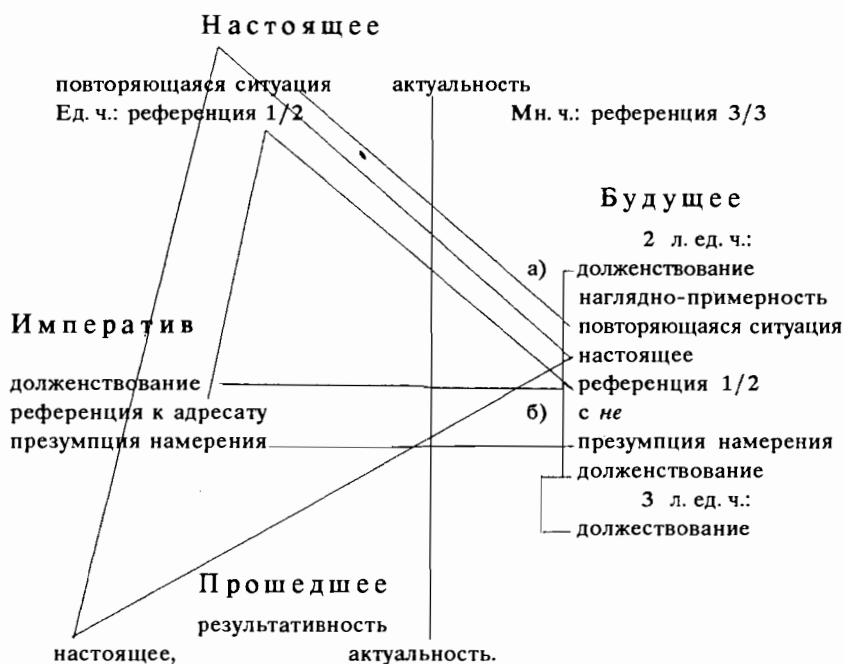
В нашем понимании пословичный императив близок к форме единственного числа 2 лица (т.е. это обобщение по лицу и числу) — *Из "спасиба" шубу не сошьешь* и под. Однако в императиве в еще большей степени усиливается референция к адресату одновременно с усилением неэксплицированной презумпции, что адресат поступает (или собирается поступить) вопреки прескрипции.

4. Прошедшее время представлено в пословицах минимально в примерах типа *Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить*. Несомненно также, что здесь уже есть некоторое значение условия. В других славянских языках эта форма более распространена: *Догадався цуціль, як хвіст однав; Лісом ішов, а дров не бачів; Пішла по масло, та й в печі погасло; Пішов посол, та й упав росол* (укр.); *Вада — не бядя, настаяла ды й пайшла; Не ўсе сталось, як жадалось; Пайшла па масла, а ў печы пагасла* (бел.); *Видела баба иглата на капата, а капата не видела; Биках, виках само дяволът ми се обажда; Две се риби некли, една другу не верва* (болг.); *Vuchoval psa na svou nohu; Snědl to co pes horký koblih; Vyšlo tele, vrátil se vůl; Usedlý co havran na topoli* (чешск.).

Прошедшее время употребляется в пословицах обычно в форме совершенного вида. Известно, что "прошедшее время глаголов совершенного вида отличается от прошедшего времени глаголов несовершенного вида способностью выражать прошедшее действие, тесно связанное по своему результату с глаголом настоящего времени, что для прошедшего времени глаголов несовершенного вида возможно лишь в исключительных случаях" (АГ-80 I, 629). Но в пословицах и в случае несовершенного вида глагольная форма обретает значение результативности, перфективной статальности. См. *Лісом ішов, а дров не бачів*. Именно эта статическая результативность сближает прошедшее пословичное время с настоящим временем (см. данные индоевропеистики о происхождении перфектных форм из одной из серий настоящего времени).

О четырех основных формах глагольных предикатов в пословицах можно сказать следующее:

- 1) в славянских пословицах безусловной структуры употребляются преимущественно непериферийные формы глагола — настоящее время, прошедшее, будущее, императив. То есть это ядро глагольной парадигмы;
- 2) формы числа и вида не равноправны и неравнозначны. Императив функционирует только в ед. числе; есть различия по персональности в сфере настоящего: *Рыбак рыбака видит издалека — Цыплят по осени считают*;
- 3) самым существенным является то, что при непериферийности форм глагола пословицы используют как правило разнообразные периферийные оттенки функциональной семантики этих форм, практически не используя неосложненную категориальность. Эти дополнительные для категории смысловые наложения сближаются, объединяя категории функционально. Это дает возможность представить наглядным образом смысловые корреляции глагольных форм пословичных структур (см: рисунок).

Таким образом непредставленность семантики возможных миров в семантики пословичных глагольных форм компенсируется обилием "суперсегментных" приходящих коннотаций.

В нашу задачу, как она сформулирована была выше, не входит анализ именных форм сказуемого, которые в пословичных структурах также достаточно распространены. Однако дополнительные смысловые наложения в них просматриваются с еще большей очевидностью. Это долженствование, деонтический оттенок: *Всякому овощу свое время; Большому кораблю — большое плавание; Собаке собачья смерть* и т.д. Это также — отрицание презумпции иного нормативного жизненного сценария: *Гусь свинье не товарищ; Первый блин комом; В семье не без урода* и т.д.

Интересно, что в формах предикативов-прилагательных представлены краткие формы: *Запретный плод сладок; Дорого яичко в Христов день; Мал золотник да дорог; Остатки сладки; У страха глаза велики* и т.д. Употребление кратких форм безусловно объясняется их большей древностью и архаичностью самого жанра, однако при этом существенна и дополнительная привязка к актуальности, результативной связи с настоящим, комбинируемая в то же время с непривязанностью к конкретному референту. См. "по значению краткие формы отличаются от полных форм: они обозначают признак как качественное состояние, т.е. такой, который может быть приурочен к определенному времени" (АГ-80 I, 556).

Пословичные предикаты в условных структурах

Пословица, обращенная практически к каждому во всех случаях и во все времена, все же не игнорирует возможности быть советчиком при некотором ограниченном числе ситуаций, т.е. при ситуациях потенциальных. Очевидно, что условность понимается нами широко, т.е. имеется в виду реализация некоторой ситуации только в качестве функции от переменной — другой ситуации. Таким образом вводится показатель в том случае, когда имеет место ситуация X. При таком подходе в группу высказываний в значении условия попадают и сложные предложения со значением причинности, уступительности, тождества, собственно условия, множество бессоюзных структур самой разнообразной семантики и т.д. Именно такое расширенное понимание условных высказываний представлено и в АГ-80 II, где все подобные высказывания именуются обусловленными. "В предложениях со значением обусловленности соотнесены две ситуации, из которых одна поставлена в зависимость от другой. Такие предложения выражают условные, причинные, уступительные отношения, а также отношения цели и следствия...

Обусловленность, или каузальность, т.е. причинность в широком смысле слова, объединяет в себе такие значения, как предпосылка, основание, обоснование, подтверждение, доказательство, аргумент, довод, предопределенность, посылка, повод, предлог, стимул, целевая мотивировка. Весь этот круг отношений предполагает такую связь ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для реализации другой" (АГ-80 II, 562). В таких структурах реализуются практически все возможные формы глагольных и именных предикатов. См. русск.: *Лес рубят — щепки летят* (наст.вр. 3 л. мн. ч.); *Гром не грянет — мужик не перекрестится*; *За двумя зайцами погонись — ни одного не поймашь* (буд. вр., 3 и 2 л. ед. ч.); *Волков бояться — в лес не ходить*; *С волками жить — по-волчьи выть* (инфинитив); *Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет* (императив); *Баба с возу — коню легче* (именные формы) и т.д.

Поскольку пословичная структура должна быть гибкой и учитывать все ситуационные ограничения, то представить все возможные формы классификационным образом сложно. Дело еще и в том, что при одном и том же союзе (если классифицировать по союзам) предикатные реализации могут сильно варьироваться: см. с болгарским *ако*: *Ако има наука, има и отука*; *Ако го е взял, не го е откраднал*; *Ако гониш два заека, не може хвана ни един*; *Ако дадеш тука, ще намериш тамо*; *Ако е захапано, не е отхапано*; *Ако сила силовита, не е вековита* и т.д. К подобному же результату приводит и классификация по другим основаниям, например, по значению условие-следствие у бессоюзных предложений: *Найнвяся — продався*; *Служив у дуки — натерпівся мукки* (укр.); *Свякруха ў дом — ўсе ўверх дном*; *Бацька за порог — дзеці за пірог*; *Смелым быць — перамогу дабыць*; *Заробиш — пане бере, не заробиш — пан дере* (бел.); *Верен слуга — здрав ключ*; *Има пари — Христос воскресе, нема пари — смертию смерть* (болг.).

Таким образом разнообразие форм предикатов как бы создает разнообразие возможных миров, в которые может привести обусловлен-

ная ситуация. Однако такая свобода выбора predetermined образом оказывается обреченной именно при наложении на онтологическую дидактичность пословицы. Совершенно очевидно, что "проработанность" предикатных форм в не-условных пословичных структурах значительно больше, чем в условных. Поэтому в них коммуникативная установка как таковая более тесно сплетена с категориальной семантикой предиката. "Условные" же пословичные речения в основном повернуты к адресату не сообщаемым, а дополнительной ситуацией, потенциальной или нереализованной. Эта "теневая" структура может быть истолкована тремя возможными способами:

1. 'Может (могло) быть и хуже': *Пакуль ёсць хлеб ды вада — усё не бяды* (бел.); *Поки хліб та вода, то ще не беда, Коли є хліба край, та й під вербою рай* (укр.); *Přijde čas, přijde rada* (чешск.).

2. 'А могло быть лучше': *За худым жыць, толькі век даўжыць Не замесіш густа, як у амбары пуста* (бел.); *Тягни, кобыло, хоч тобі не міло; Тягни ляжку, поки не викопають ямку; Швідко іди — ти доженеш лихо, іди тихо — тебе дожене лихо* (укр.); *Изкопал яма за другою, сам си паднал в нея* (болг.); *Кали муж з жонкай сварыцца, то гаршок не варыцца* (бел.). *Не замісиш густо, як у каморі пусто* (укр.) и т.д.

3. Пословичные высказывания, аксиологическая направленность которых может быть установлена только в контексте. Обычно они характеризуют некую ситуацию как результативную, стабилизировавшуюся, а хороша она или плоха — определяет реальная расстановка сил. См. *Як граюць, так і танцююць* (бел.); *Що вільно панові, то не вільно Іванові* (укр.); *Як пасцеліш, так і спиш* (бел.); *Както си си постлал, така ще си легнеш* (болг.); *Каквото повыкнало, тавоз се откликнало* (болг.); *Назвался груздем — полезай в кузов* (русск.).

Специальное исследование по анализу форм глагольного сказуемого в славянской паремии принадлежит Н.В. Петрикевичу, описавшему глагол в белорусских пословицах⁵⁰. Наблюдения его в целом совпадают с нашими. В белорусских пословицах 70% имеют в составе глагол. В основном представлено настоящее время, обычно 3 л. ед. ч., что дает возможность не только давать советы, но и высказывать свое мнение о лицах, явлениях и предметах. В настоящем времени 3 л. мн. ч. выступает редко, довольно редко и 2 л. ед. ч.: *Береш коровку, бери ж и веревку; Гадуеш дзяўч. ину — шыкуй пярэну* и т.д. Широко распространено простое будущее (2 и 3 л. ед. ч.): *Праворны ўсюды паспее; Сава не уродзіць сакала; З гурту заўсёды выбяresh курту* и т.д. Конструкции с *не* очень широко представлены и имеют значение неизбежности.

Менее часта, но довольно распространена форма прошедшего времени, которое, как замечает Н.В. Петрикевич, приобретает характер обобщения: *Купіў — не прапіў; Памёр — усё гора адпёр*. Автор считает, что подобный жанр, с семантикой обобщенности и вневременности, "одержал победу" над основным значением прошедшего времени: обозначать только действие в прошлом.

⁵⁰ *Петрикевич Н. В.* Грамматическая роль глагола в образовании белорусских пословиц. АДК. Минск, 1974.

Императив распространен. Среди условных структур в основном употребляются высказывания с союзами *каб* или *калі* (б): *Забіла бы баба лося, каб удалося; Калі б меў ниву, нашоў бы і сіву*. Как и в русском языке, два инфинитива в контакте обозначают неизбежную цепь условие — следствие: *Красці — прапасці, жабраваць — гараваць*. См. русск.: *Курить — здоровью вредить*.

Референциальный статус имени в пословицах

В большинстве исследований статус имени в пословицах как правило связывается с обобщенностью. К имени добавляется значение квантора всеобщности 'всякий', 'любой'. В языке это значение связано с денотативным референциальным статусом неопределенности. См. у А.А. Крикмана: "Пословичный текст оказывается неопределенным "потенциалом" не только по отношению к конкретным возможностям употребления, но и по отношению к своим возможным абстрактным семантическим описаниям"⁵¹. Очень хорошо сказано далее, что так как пословицы априори антропоцентричны, то они "в значительной мере отражают не свойства самого описываемого объекта, а особенности языка описания и сознания описываемого"⁵². Именно эта всеобращенность пословицы стала в последние годы привлекать все большее внимание, оттесняя прежнюю эвристическую задачу — описать стоящий за паремией денотат, компонент действительности. Именно это обязательное, явное или имплицитное, присутствие квантора всеобщности в именном фрагменте пословицы Ю.И. Левин считает основополагающей ее характеристикой⁵³. По мнению Ю.И. Левина, трансформация подстановки квантора всеобщности практически необходима, т.е. *На воре шапка горит* всегда значит *На всяком воре шапка горит* и т.д. Об этом же кванторе всеобщности в пословичных именах пишет и И. Кань⁵⁴.

Идея обязательности наличия квантора всеобщности в семантике пословичного имени требует обращения к современной трактовке квантора всеобщности и статуса имени, с одной стороны, и анализа имени в генерализованных непословичных высказываниях, с другой.

Говоря о нереферентных именных группах, т.е. о тех, которые не обозначают никаких индивидуализированных объектов, Е.В. Падучева⁵⁵ пишет, что у таких именных групп возможна индексация четырех денотативных статусов: 1) экзистенциальный, 2) универсальный, 3) атрибутивный, 4) родовой.

Относительно более важного для нас, универсального, Е.В. Падучева говорит об обязательности квантора общности $\forall$ для всякого по переменной, которая принимает значение из экзистенциала общего имени в составе именной группы: а) *Конец венчает дело*; б) *Тот, кто*

⁵¹ Крикман. Указ. соч. 1984. С. 82

⁵² Крикман Указ. соч. 1984. С. 86.

⁵³ Левин. Указ. соч. С. 121.

⁵⁴ Кань З. Мыслительно-языковые условия отображения структуры пословицы // Паремнологические исследования. М., 1984. С. 192.

⁵⁵ Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985. С. 94.

сеет ветер, пожнет бурю. Интересно замечание о том, что в практике представления предложений на логическом языке принято не усматривать различия в логической форме, например, между *Все сотрудники отдела выполнили свой годовой план* и *Все дети любят мороженое*. Дальнейший текст для нас очень важен: "...в первом предложении речь идет о конкретном перечислимом множестве, во втором — об абстрактном множестве, составляющем экстенционал слова *дети*... Проверка истинности утверждений о конкретных множествах происходит вынужденным образом, иначе, чем для абстрактных множеств: конкретные множества можно перебирать по-элементно, а для абстрактных истинность утверждений не может быть установлена эмпирически, а только с помощью заключений — дедуктивных и индуктивных"⁵⁶. Это интересное положение как бы с другой стороны проливает свет на обсуждавшийся ранее вопрос о проверяемости — непроверяемость пословиц: оказывается, что их именные структуры организуют принципиальную эмпирическую неверифицируемость.

О.Н. Селиверстова, занимаясь определением места *-то* и *-нибудь* структур в разных ситуациях, тоже на непословичном материале, выявляет нетривиальную коммуникативную установку при многократных обобщенных высказываниях с *-нибудь*⁵⁷. "Местоимения с *-нибудь*, указывая на альтернативность заполнения актантной позиции, ставят в фокус сообщения только сам факт реализации события при соответствующих условиях. При этом несущественно, кто (что и т.д.) заполняет актантную позицию".

Таким образом, отталкиваясь от положений Е.В. Падучевой и О.Н. Селиверстовой, мы можем сказать, что именные обобщенные структуры с квантором всеобщности неверифицируемы и безразличны к конкретности действующего актанта.

Обратимся к специальным работам, в которых анализируется референция имени в обобщающих высказываниях. Е.Н. Гаврилова⁵⁸ признает основным признаком обобщающего значения имени наличие кванторного слова либо возможность его подстановки: *Всякое наблюдение универсально и неповторимо; Очеркист обычно выступает и как свидетель изображаемых событий* и т.д. Важным признаком генерализованного существительного Е.Н. Гаврилова считает синонимию форм единственного и множественного числа: *Наука (науки) открывает человеку (людям) новые горизонты (горизонт)*. "Значение всеобщности поддерживается в тексте формой настоящего времени глагола-сказуемого". Интересно, что в генерализованных высказываниях возможно употребление только настоящего времени, а в пословицах, как мы показывали выше, категориальные формы глагола классификационно ограничены, но все же разнообразны. Е.Н. Гаврилова в конце приходит к выводу, что "формирование генерализации в тексте происходит за счет совмещения всех отмеченных признаков: лексико-семантических, структурно-грамматических, модально-предикативных

⁵⁶ Падучева. Указ. соч. С. 95, 96.

⁵⁷ Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи. М., 1988. Р. 95.

⁵⁸ Гаврилова Е.Н. Универсальные высказывания как особая коммуникативная единица. АДК. М., 1983.

и функциональных"⁵⁹. К этой проблеме мы еще вернемся в связи с книгой Ю.С. Степанова⁶⁰.

В докторской диссертации Л.Б. Лебедевой общие генерализованные высказывания связываются с двумя типами референции: интенциональной (концептуальной) и экстенциональной, а также с употреблением имен разных семантических типов и сложных синтаксических комплексов разнообразных структур, которым соответствуют концептуальные референты⁶¹. Существенно замечание о том, что экстенциональные высказывания могут быть опровергнуты путем отсылки к конкретному факту, поддающемуся эмпирической проверке: *Все люди, живущие у моря, хорошо плавают. — Вовсе нет, я выросла у моря, а плавать не умею.* Интенциональные высказывания, такие как *Люди, живущие у моря, хорошо плавают*, таким способом опровергнуты быть не могут⁶².

Стараясь понять статус имени в пословицах, невозможно обойти его верификацию посредством типа артикля в артиклевых языках.

Поэтому далее будут рассмотрены: 1) способы перевода на артиклевые языки имен в славянских пословицах; 2) статус именной группы в оригинальных пословицах артиклевых языков.

Анализ начинается с перевода на артиклевые языки русских пословиц. (Переводы были взяты из статей по паремииологии разных авторов, пишущих на английском, немецком и французском языках). И здесь важно обратить внимание на следующее обстоятельство. О кванторе всеобщности в связи с пословицами обычно говорят вообще, создавая впечатление, что либо все имена в пословице семантически однотипны, либо как бы речь идет о каком-то одном имени. Между тем в пословицах обычно представлена цепочка имен, точнее, два имени как правило. Если в предложении есть локализатор ситуации, то квантор всеобщности как правило в основном связывается именно с локализирующим именем, Например, *Из песни (всякой) слова не выкинешь; Бодливой корове (всякой) Бог рог не дает; В тихом омуте (всяком) черти водятся; И на солнце (всяком) бывают пятна; Дома (т.е. во всяком доме) и стены помогают; И на старуху (любую) бывает проруха и т.д.* То есть ситуацию, как правило, мультиплицирует первое имя. Что же касается выбора артикля, то при наличии двух имен возможны следующие комбинации артиклей при переводе (0 — определенный, Н — неопределенный, Ø — нулевой): 1) 0—Ø; 2) 0—0; 3) Ø—0; 4) 0—Н; 5) Ø—Н; 6) Н—Н; 7) Н—0; 8) Н—Ø; 9) Ø—Ø.

Приведем примеры, хотя не все случаи оказались представленными: 0—Ø: — не было.

0—0: *Яйца курицу учат — Die Eier lehren das Huhn.*

Игра не стоит свеч — Das Spiel lohnt nicht die Kerzen.

Лес рубят — щепки летят — Fällt man den Wald, fliegen die Späne.

⁵⁹ Гаврилова. Указ. соч. С. 11.

⁶⁰ Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. М., 1989.

⁶¹ Лебедева Л.Б. Референция и структурно-семантические аспекты высказывания. АДД. М., 1991. С. 44.

⁶² Лебедева. Указ. соч.

На воре шапка горит — Auf dem Dieb brennt die Mütze.

Овчинка не стоит выделки — Das Schaffsfell lohnt die Verarbeitung nicht.

Куда иголка, туда и нитка — Wohin die Nadel, dahin auch der Faden.

Яблоко от яблони недалеко падает — Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm.

Ø—0 — не было.

0—Н: Из-за деревьев леса не видит — Er sieht den Wald vor Bäumen nicht.

Нашла коса на камень — Die Sense stiess auf einen Stein.

0—Н: У страха глаза велики — Furcht hat grosse Augen.

Н—Н: И на старуху бывает проруха — Auch eine Alte macht einen Fehler.

С больной головы да на здоровую — Vom einem kranken Kopf auf einen Gesunden.

Н—0: Будет свинка, будет и щетинка — Wird es ein Schweinchen geben, wird es auch Borsten geben.

В чужой монастырь со своим уставом не ходят — In ein fremdes Kloster geht man mit seinen Regeln nicht hinein.

Н—Ø — не было.

Ø—Ø: Нет дыма без огня — Wo Feuer ist, da ist auch Rauch.

При наличии только одного имени в пословице возможны три ситуации: Ø, Н, 0.

0: Куй железо, пока горячо — Schmiede das Eisen, solange es heiss ist.

Н: Беда никогда не приходит одна — Ein Unglück kommt selten allein, Misfortunes never come alone; Un malheur n'arrive jamais seul.

Чужой ломоть лаком — Eine fremde Schube Brot ist leker.

Ø: Чужой мед горек — Fremder Honig ist bitter.

Судя по переводам, абстрактное имя (свойство, качество) передается как правило нулевым артиклем. Интересным исключением является "беда" с неопределенным артиклем в трех языках. Это вполне соотносится с нашими более ранними данными о сознательной "неосваимости" слова типа беда, несчастье и т.д., об их не-интимизации через посессив и под.⁶³

Для других имен различаются две возможности:

1) описывается типовая ситуация со случайной выборкой, ситуация цельная: *Auch eine Alte macht einen Fehler*. Здесь ошибка по сути не связана по своему функционированию со старухой, тип ошибки может быть любым и случайным. Артикли неопределенные.

2) речь идет о ситуации-образе с неким конкретным центром этой ситуации. Тогда окружающие имена-актанты входят в сферу интересов (в широком смысле) этого центра. Артикли определенные. Например, *Wohin die Nadel, dahin auch der Faden; Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm*, то есть нитка относится к этой иголке, яблоня — к этому яблоку.

⁶³ Категория посессивности в славянских и балканских языках. М., 1989.

Итак, квантор всеобщности есть маркер градуальной неопределенности. Создается впечатление, что в немецких эквивалентах сема всеобщности представлена несколько слабее, вспомним выше об оси: всеобщность — примерно-наглядность в пословичных предикатах.

Какова же ситуация в артиклевом болгарском языке?

1) Абстрактные имена передаются без артикля: *Ако има наука, има и отука; Ако е сила силовита, не е вековита; За вода ходил, а вода не пил; От мълчане глава не боли.*

2) Имена нарицательные, употребленные в родовом значении, также бывают без артикля (чаще всего это характеристики какого-либо человеческого свойства или рода животного): *Без жена куца — без кофа кладенец; Бивол от муха не взема; Вино от лоза, млеко от коза; Вълк на поруки месо не яде; В голема река голема и риба; В мутна вода лесно се лови риба; Върви напред като рак; Гарван гарвану око не вади; Голема риба в малка вода не седи; Гора очи има, поле уши носи; Грък циганин надлъзва.*

3) Если пословица представляет собой не характеризацию, а описание ситуативного целого, то в болгарском языке употребляется определенный артикль: *Докле е жив вълкът, опашката му не мери; Ако видиш мечката на комшия си в лозето, чакай я и в твоето; Ако медът е сладок, все не трябва; Ако има в паницата, ще има и в лъжичката; Ако ти се свиди маслото, не става кашата хубава; Бащата гали снахата, а живее при дъщерята; Бий го по краката, да се не бие по главата; Била на хорото, не видела гайдата; Бързият не ходи за вода, а жадният; Виде парите готови, че се смее и т.д.*

Если в болгарском языке определенный артикль представлен достаточно часто, то в английском языке более широко представлена градуальность семантики неопределенного имени. Эксплицируется различие между классом и типом. Поэтому распространен безартиклевый статус имени, особенно в высказываниях с обобщенными именами: *Love begets love; Knowledge is power; Fear is stronger than love; Punctuality is the politeness of prince*, а также в коротких предложениях без связки: *Far from court, far from care; Out of sight, out of mind; Next to love, quietness*. Этим английский язык не отличается от, например, болгарского. Но интересно то, что в пословичных предложениях с двумя именами, из которых одно является предикативом, первое имя (идея, абстрактность) обычно бывает без артикля, а второе, предикатив, оформлено определенным артиклем, т.е. типизировано, обобщено как тип (русский эквивалент здесь не столь очевиден): *Love is the fruit of idleness; Adversity is the touchstone of virtue; Sin is the root of sorrow*. Важно то, что оба имени здесь абстрактные.

Конкретный типизированный представитель класса явлений обычно передается в английских пословицах через неопределенный артикль: *A just war is better than an unjust peace; Give a clown your finger, and he will take your hand; A good word costs no more than a bad one; A man's studies pass into his character; A handfull of good live is better than a bushel of learning; A lawer never goes to law himself.*

Однако и в английском языке выделяется не глобальная ситуация, которая в этом языке соответствует как правило двум единообразным артиклям, а ситуация с неким централизованным актантом. Тогда определенным артиклем оформляется слово-центр (см. выше это о немецком): *The gods send nuts to those who have no teeth*.

Однако в артиклевых европейских языках пословицы одной и той же семантики (во всяком случае, на первый взгляд) могут по-разному представлять референционный статус имени. Ср.: *Friends are thieves of time / Les amis sont des voleurs de temps*. Вообще французский язык в большей степени снабжает артиклем (определенным) абстрактные имена пословиц, чем другие артиклевые языки: *L'ignorance et l'incuriosité font un doux oreiller; Où est la liberté, là est la patrie; La théorie est opposée au principe du libre arbitre; Les arts libéraux ne peuvent donner la vertu, mais ils disposent l'ame à la recevoir*⁶⁴. Возможно, это свидетельствует о более конкретном представлении ситуации во французской паремии.

Грамматика загадки

Предикат в загадке

Пословица относится ко всякому, загадка — ко всему. Пословица прескрибирует человеческое поведение в связи с причастностью к некоторому человеческому социуму. Загадка вводит человека в этот социум благодаря посвященности в Знание.

Предваряя дальнейшее изложение, можем сказать, что смысловым центром пословицы является глагол, предикат. Центр загадки — это имя. Именно имя обычно-то и отгадывается, т.е. явление, предмет, феномен. К нему и обращены предикаты, которые служат связующим звеном между ним и миром. В конце концов антропоцентричны и загадки, и пословицы, но пословица строится на интрачеловеческом, загадка обращает человека во вне. В загадке возникает некий стоп-кадр. В пределах этого кадра перемещение и движение возможно, но это кадр с семиотической рамкой, подобный тому, что мы видим в телескопе, микроскопе или планетарии. Макромир, как говорилось выше, здесь равен микромиру. Поэтому времена глагола в загадке просты: в кадре, даже стагнированном, что-то происходит и может быть названо по-разному: Яблоки рассыпались, Лежат рассыпанные яблоки, Кто-то рассыпал яблоки, но сам натюрморт соответствует своей сути — *la nature morte*. Поэтому в загадке много глагольных форм в их основном значении, но нет периферийных форм, описывающих альтернативные миры, тогда как пословица и в обусловленных ситуациях диктует *modus vivendi*.

Семантика предиката в загадке в основном двойственной природы:

- 1) результат, перфективность, то, что мы видим сейчас;
- 2) действие вечно длящееся, сегодня, вчера, завтра.

Поэтому все привычные понятия "момента речи" здесь вообще нерелеванты. Обилия дополнительной семантики, характеризующей

⁶⁴ Dictionary des proverbs, sentences et maximes. Paris, 1960.

каждую глагольную категорию пословицы, в загадке нет: она должна сообщать, но не убеждать.

1) Прежде всего в загадке представлено настоящее время. *Конь бежит, земля дрожит; Лежит кучка поросят, кто ни тронет — забизжат* (русск.); *Стоить палка, на палиці галка, а в тій галці тисяча людей; Сидить панна під плотиком, накрилася хоботиком; Живе без тіла, говорить без язика, ніхто його не бачить, тільки чує* (укр.); *Стаяць вілы, на вілах бочка, на бочці ківала, на ківале маргала; Паміж белых дубоў вісіць цяля без зубоў; Цорная курыца сядзіць на рывонных яйках; Брат брата гоніць, ніколі не дагоніць* (бел.); *Очи имам — не виждам, уши имам — не чувам, уста имам — не думам; На стена виси и зло ти мисли; Две сестры преко един ряд се пулят и че могат да се видят; Червен вол църно теле лиже; Сиво прасе под брег лежи* (болг.); *Stoi panna w torze w cyrwonym karturze; wele drogi stoi, rekoma ozkada i nic nie gada; Lezie, lezie — po żelezie, nima nog, a wylezie; Stoi panna w ganku w cyrwonym kaftanku, stoi przy drodze, na jednu nodze* (польск.).

2) В загадках распространено и будущее время, и периферийные глагольные формы вроде инфинитива, но особенно широко представлены формы совершенного вида прошедшего или сочетание (таксис) прошедшего несовершенного вида в комбинации с совершенным видом-результативом, как в виде финитной формы, так и в виде пассивного причастия. Таким образом этот вид загадки всегда прочитывается как некий текст, с исходом как "счастливым", так и с несчастливым. См.: *Рассыпался стакан по всем городам, всяк ему дивится; Сивка море перескочил, а копыта не смочил; Олена царевна по городу ходила, ключи оборонила; Вырос лес, белый весь, пешком в него не войти* (русск.); *Червоне коромисло через річку повисло; Зоря-зірниця по землі ходила, ключи загубила, А сонце зішло — ключі найшло; Летіло золото, а стало болото; На дворі цукром бувало, а приніс в хату — розтало; Лежав — лежав і в річку втік; Прийшов дід, зробив міст, прийшла дівка — красуха, по мосту тупа, міст розвалився, а дід аж на морі опинився; Часто літом надівала по новій сорочці, а на зиму поскидала й посолила в бочці* (укр.); *Раўнул вол на сем сёл, яго не відаць, толькі голас чуваць; Ішла Ганна ў начы ды загубіла ключы. Месяц бачыў, а сонца украла; Бела кабыла ўвесь лес паела; Ляцела — крычала, а села — здабыча ўпала; Без рук, без ног палез на батог* (бел.); *Валчеста тиква с трева обрасла; Гънда-мънда летеше, вампир из плет искочи, Гънда-мънда наскочи, кръвица ѝ да лочи* (болг.).

Итак, загадка демонстрирует две картинки. На одной изображено извечное действие (часто глагол типа *стоит, лежит, сидит* и под.), вместо глагола может быть именная характеристика: *С хвостом, а не мышь*.

Вторая картинка — результат, по которому мы можем догадываться о происшедших событиях: *Червоне коромисло через річку повисло*.

Таким образом основные действия — это результативное прошедшее и длежащее настоящее. Первое как бы свидетельствует о преобразованиях при Творении, второе — о сегодняшнем статусе элемента мира.

Поэтому в пределах этих двух картин возможна свободная замена категориальных форм: естественно, что постоянно длежащее настоящее при этом корреспондирует имперфекту. Поэтому мы имеем варианты загадок, отличающиеся формой глагола-предиката: *Сидит пта на белых горах*, *Сидит птах на белых горах* = Курица на яйцах; *Летит пан, на воду пал и воды не всколыхнул*; *По лесу летало, в воду упало, не булькнулось* = Пух или перо; *Ишла пані вночі, погубили ключі*; *Їхала пані вночі, загубила ключі* = Роса.

Референциальный статус имени в загадках

Рассмотрение денотативного статуса имени в загадке лучше начать как и для пословицы, с перевода русских загадок на артиклевые языки. Существенной при этом является корреляция артиклей в загадке и в имени — отгадке. Здесь предполагается три возможности:

- 1) имя-отгадка не сопровождается артиклем, артикль нулевой;
- 2) имя-отгадка представлено с неопределенным артиклем;
- 3) имя-отгадка вводится через определенный артикль.

Представим все три ситуации. (* обозначает утрату в переводе анаграмматической структуры, спрятанной в загадке⁶⁵).

- 1) *Сидит девица в темной темнице, коса на улице* = Морковь.
Es sitzt ein Mädchen in einem Kerker, der Zopf ist draussen = Rübe.
 **Вся мохнатенька, четыре лапки, сама усатенька* = Кошка.
Ist völlig zottelig, hat vier Pfötchen und einen Schnurrbart = Katze.
 **Сам с локоток, а борода с веник* = Молоток.
Ist selbst nur eine Elle lang, aber hat einen Bart wie ein Besen = Hammer.
 **Стоит копытце, полно водицы* = Колодец.
Es steht ein Trog, voll vom Wasser = Brunnen.
 **Две снохи сидят, а свекровка пляшет* = Дверь.
Zwei Schwiegertöchter sitzen, und die Schwiegermutter tänzt = Tür.
 **По горам, по долам ходит шуба да кафтан* = Баран (Овца).
Über die Berge, über die Berge geht ein Pelz und ein Kaftan = Schaf.
 **Дядя Афанасий лыком подпоясан* = Веник.
Onkel Apanasij mit Bast umgürtelt = Besen.
 **Лежит Доронья, никто не хоронит* = Дорога.
Es liegt Doronja, niemand verbirgt sie = Weg.
 **Черен да не ворон, рогат да не бык* = Таракан.
Schwarz, aber keine Rabe, gehört aber kein Stier = Küchenschabe.
 **Стоит изба безугольна, живут люди безумны* = Улей.
Es steht eine Hütte ohne Ecken, da wohnen wahnsinnige Leute =
 Bienenstock.
- 2) *Скребется в углу, пузырьчатый мышонок в брюхе* = Беременная женщина.
Es kratzt in der Ecke, ein blasenförmiges Mäuschen im Bauch = Eine schwangere Frau.
Хлеб на углу избы лежит, а в хлебе крыса сидит = Беременная женщина.

⁶⁵ См. об этом: *Топоров В.Н.* К исследованию анаграмматических структур (анализы) IV. Анаграмма в загадках // Исследования по структуре текста. М., 1987.

*Ein Brot liegt in der Ecke der Hütte, und im Brot sitzt eine Ratte =
Eine schwangere Frau.*

**Что не корыстно?* = Коромысло.

Was ist uneigennützig? = Ein Tragejoch.

**Туша, и на ней уши, а головы нет?* = Ушат.

Ein Dickwanst, der Ohren, aber keinen Kopf hat = Ein Kübel.

**Стоит сноха, ноги развела* = Соха.

*Es steht eine Schwiegertochter, sie hat die Beine auseinandergestellt =
Ein Hakenpflug.*

**Маленький шарик под лавкой шарит* = Мышь.

Eine kleine Kugel sucht tastend unter dem Ladentisch = Eine Maus.

*Два Петра в избе = Ведра.

Deux Pierres à la maison = Des seaux.

3) *Самсоница в избе = Солоница.

Dame Samson à la maison = La salière.

**Нет ни окон, ни дверей, посередине архиерей* = Орех.

Pas de fenêtres, ni de portes. Au milieu un évêque = La noix.

**Что в избе бодро?* = Ведро.

Was ist in der Hütte Erfrischendes? = Der Eimer.

**Что в избе Фрол?* = Стол.

Was ist in der Hütte Frol? = Der Tisch.

**Что в избе лежит да не тонет?* = Тень.

Was liegt auf dem Wasser, aber geht nicht unter? = Der Schatten.

Необходимо ответить на два связанных между собой вопроса: 1) что определяет в приведенных выше примерах постановку артикля в отгадке; 2) что определяет артикли в тексте загадки?

В первой группе отгадка понимается как обобщение, как воплощение класса, а не как представитель класса: так сказать, таксономическая кошка или вообще дверь. Текст загадки в этом случае характеризующий. См. *Сам с локоток, а борода с венник; Стоит копытце, полно водицы* и т.д.

Во второй группе ответ представляет не общее родовое понятие, а любого произвольного представителя этого рода; в загадке тогда дается не характеристика, а описание некоей ситуации: *Скребется в углу, пузырчатый мышонок в брюхе* = (Всякая) беременная женщина.

В загадках третьей группы отгадывается единственно возможный предмет в конкретном описанном локусе. Определенный артикль в отгадке в этом случае предрешен.

Необходимо сказать однако, что расставить потенциальные артикли в русской загадке, особенно архаической структуры, сложно. Так, по горам по долам гуляют и единичные бараны, это и отгадка — общий концепт, наконец, это и Первобаран, компонент расчлененного при творении мира. Достаточно сказать, что именно эта загадка была нами предложена для перевода на французский язык двум известным лингвистам, специалистам по синтаксической семантике, русскому и французу-русисту. Первый ответил: *le mouton*, второй — *un mouton*.

В тексте загадки первой группы употребляется неопределенный артикль, им маркируется протагонист вводимой ситуации (см. специальную работу Т.В. Цивьян о функции неопределенного артикля в

балканской сказке⁶⁶). Например, *Стоит девица...*, *Стоит копытец...*, *Стоит изба безугольна...* Отгадка — без артикля.

Во второй группе описывается типизированный представитель класса и ответ этому соответствует. Неопределенный артикль здесь представлен и в отгадке, и в загадке.

В третьей группе демонстрируется картина как бы уже знакомая, локализованная; чаще всего — это изба, но изба как знакомый локус. Изба актуализируется через определенный артикль, определенный артикль и в ответе: это ведь известная часть избы: *Что в избе Фрол?* = Стол.

В целом же высказывалась точка зрения⁶⁷ о том, что в каждой загадке представлен антропоморфный процесс безотносительно к определенности-неопределенности имени.

Продемонстрированное выше соотношение артиклей подтверждает (правда, до известной степени) известный тезис Э. Кёнгэс-Маранда о том, что основное противопоставление в загадке не природа — культура, а одушевленное — неодушевленное. Наиболее распространено противопоставление: человек — предмет культуры⁶⁸. В этом смысле антропоморфны и все живые существа и подтверждается введенный выше тезис о тождестве Макро- и Микромира в архаическом сознании.

Интересно, что в артиклевом болгарском языке ответ обычно единообразен: отгадки — это имена без артикля: вино, време, воденичне камене, глава, день и ноц, желва, зима, змия, икона, име, капка, колела на кола, люлка с дете, метла, овца и агне, огънь, орех, пари, паяк и муха, петел, печли, река, ръж, сито и брашно и под.

* * *

Подводя итог, можно сказать, что сказуемое обеих паремий (если не считать условных структур в пословице) тяготеет к настоящему, как длящемуся, так и результативному. Темпоральный дейксис можно представить как "теперь + всегда". Судя по последним работам о русском языке, настоящее время сейчас никак нельзя считать немаркированным: напротив, по своей содержательной структуре оно намного сложнее прошедшего и будущего, от него отталкиваются и на него ориентируются⁶⁹. В представляемой здесь работе нам не удалось однако найти конструктивные интерпретируемые корреляции между статусом имени в пословице и категориальными характеристиками предиката. Различие артиклевых воплощений при переводе славянского имени в артиклевых языках говорит не об иной структуре паремий, а о разном прочтении ситуаций, особенно в пословице, которая, как уже

⁶⁶ См. специальную работу Т.В. Цивьян о функции неопределенного артикля в балканской сказке: *Цивьян Т.В.* Категория определенности-неопределенности в структуре волшебной сказки // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.

⁶⁷ *Гак В.Г.* Неопределенноличность в плане содержания и в плане выражения // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. С.-П., 1991.

⁶⁸ *Кёнгэс-Маранда.* Указ. соч. С. 270.

⁶⁹ См. об этом в нашей рецензии на книгу о русской грамматике: *Николаева Т.М.* (рец.) Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990 // Известия АН. Серия 57. Языка и литературы. Т. 50, 1991, № 6.

отмечалось, крайне гибкое и потому активное средство коммуникативного воздействия.

Именно в пословице не удалось вычленить семантическую обусловленность пропозициональных структур. Актанты пословицы подобны героям басен: это может быть слон, бочка, мартышка, стареющая красавица — морализаторская значимость при этом не изменится.

Иную картину представляет загадка.

Соотношение имени загадываемого и имени отгадываемого для загадок архаической структуры в большой степени предсказуемы. Это корреляции трех компонентов: первый — феномен Природы (1); второй — одушевленное живое существо (2); третий — Артефакт, продукт цивилизации (3).

Возможны отношения: 1/2; 2/1; 1/3; 3/1; 2/3; 3/2; 1/1; 2/2; 3/3. Например: *Выше сараю две куклы играют* = Солнце и месяц (3/1); *Над бабушкиной избушкой висит хлеба краюшка* = Месяц (3/1); *Без крыльев летит, без корней растет* (2/1) = Месяц и камень; *Погляжу я за окошко: стоит долгий Антошка* (2/1); *Белы хоромы, красны подпоры* = Гусь (3/2); *Нога костяная, пожня деревянная* = Дятел (3/2); *Лежит холм, а за холмом две ямы* = Глаза (1/2); *Пал дуб в море, море плачет, а дуб нет* = Пыль в глазу (1/2); *Месяц-новец днем на поле блестел, к ночи на небо слетел* = Серп (1/3) и т.д.

Синтактико-грамматическая структура загадки обращает на себя внимание не только категориальной стабильностью, но и частой заданностью словаря предикатов. Это глагольные лексемы состояния покоя: *сидит, висит, лежит* и т.д. Такие корреляции рассматриваются в книге Ю.С. Степанова "Индоевропейское предложение", ориентированной на лексические вхождения в структурные схемы предложения.

Первым среди основных типов индоевропейского предложения Ю.С. Степанов описывает Тип I: Неактивный субъект + глагол, вторым — Тип II: Активный субъект + глагол.

Важно положение Ю.С. Степанова о включении в группу неактивных предикатов глаголов *perfecta tantum*, к которым, видимо, можно отнести и медиальные формы, связанные и с перфектом и с *hi*-спряжением. Создается впечатление, что в славянской загадке широко представлен тип I, по Ю.С. Степанову, хитроумным образом построенный на базе перечисленных выше оппозиций. А именно — неактивный глагол комбинируется с неактивным субъектом, но субъект этот может выступать как в отгадке, так и в загадке: *За окошком стоит Антошка* = Месяц; *На поляне синей пасется конь сивый* = Месяц; *Над двором, двором стоит чаша с молоком* = Месяц; *Над поповой клетью коврига висит* = Месяц; *По синему небу тарелка плывет* = Месяц; *На воротах, воротах лежит чурка золота* = Месяц; *Золотое корытце по льду катится* = Месяц.

Возьмем другие тексты, где отгадкой является такое активное животное как змея (но при первом взгляде малоподвижное): *Среди леса лежит кусок железа; Среди леса, леса лежит шмат железа; В чистом поле на воле стоит конь вороной, ни проехать, ни пройти, ни рукой провести; Под мостом, мостом лежит гиря с хвостом.*

Возьмем животное не только активное, но и подвижное, собака: *На сене лежит, сама не ест и другим не дает; Лежит — молчит, подойдешь — заворчит; Зимой калачом, днем пирогом; На щепинке, на вязанке висит кусок говядинки.*

Таким образом, тип I, не будучи единственным, как бы определяет суть загадки: это слепок с расчлененного мира. Индоевропейский синтаксис именно этот тип считает древнейшим.

* * *

Рассмотренные параллельно, социальные функции пословицы и загадки, во-первых, и содержательные категории пропозициональной грамматики этих же видов паремий, во-вторых, обнаруживают ряд изначально не предрепешенных схождений.

Обе паремии не только антропоцентричны по глубинной семантике, но и ориентированы социально. Традиционная перлокутивная установка этих жанров обнаруживается и в гибкости их социальных трансформаций: от отражения Макромира в Микромире в их сопоставлении загадка модифицируется, сохраняя социальную эзотеричность, в автономические загадки-испытания и далее — в загадко-анекдоты, также лишенные социальной открытости. Пословица, сохраняя универсальную структуру экстенциональной открытости, легко трансформируется в лозунги социального подавления.

В соответствии с этим категориально-содержательное наполнение пропозиции паремий демонстрирует (при анализе исключительно грамматического, а не лексического состава пропозиции, что в данной работе и делалось), что для пословиц не-условного значения характерно актуальное время с дополнительными смысловыми наложениями прескрипции, долженствования и намерения, а также неопределенно-генерализованный статус имени. Загадка характеризуется двумя содержательными добавлениями к основному презентному значению предиката: перфективностью и/или дуративностью при статусе имени, колеблющемся между уникальностью и генерализованностью.

Несомненная содержательная синкретичность грамматики паремий, невыявляемость во многих случаях референциального статуса у имени, сочлененность тех смысловых компонентов, которые вне паремий текстов грамматикализуются в сепаратные ряды, приводит к выводу об архаичности грамматики паремий, в особенности, грамматики загадки, которая на первый взгляд не отделена от современных славянских грамматических систем. По своему категориальному строю грамматика славянской загадки оказывается наиболее близкой к древнейшим реконструируемым типам индоевропейского предложения.

Принятые сокращения

АГ-80 I — *Русская грамматика I. М., 1980*

АГ-80 II — *Русская грамматика II. М., 1980*